

К. Б. Уразаева, Г. Ерик

Казахские переводы сказок А. С. Пушкина как сверхтекст. Влияние казахской риторики на перевод*

В статье исследуется влияние казахской риторики на переводы Байтурсыновым сказок Пушкина и устанавливаются признаки сверхтекста. Культуроориентированные стратегии перевода: доместикация и *остранение* – анализируются в аспекте пушкинского парадокса как инструмента жанрообразования и жанровосприятия. В доместикации выделены такие приемы литературной и языковой игры, как фразеоресурсы казахского языка, зрелищная и звуковая символика, пародирование формул семейного этикета, просторечная и бранная лексика, гипербола. *Остранение* обусловлено национальной концептосферой, что объясняет активизацию у читателя ценностных представлений казахского народа. Это также коррелиция фабулы и сюжета, приемы ритуальной обрядовой практики, адресованность сказки Пушкина ребенку и взрослому. Перспективность разработки понятия «казахстанский пушкинский текст» и обособление в его составе переводов сказок расширяет теорию сверхтекста с позиций художественного перевода как фактора обновления жанров принимающей культуры.

Ключевые слова: сказки Пушкина, переводы Байтурсынова, казахстанский пушкинский текст, сверхтекст.

Для цитирования: Уразаева К. Б., Ерик Г. Казахские переводы сказок А. С. Пушкина как сверхтекст. Влияние казахской риторики на перевод // Art Logos (искусство слова). – 2022. – № 4. – С. 96–121. DOI 10.35231/25419803_2022_4_96

Еще в XIX веке Александр Пушкин стал в восприятии казахского народа фольклорным героем. Такое восприятие было подготовлено переводом Абаем Кунанбаевым «Евгения Онегина». Далее уже в литературном сознании казахского народа «портрет» Пушкина обрел полноту благодаря новым переводам его произведений, критико-био-

* Статья написана в рамках проекта «Научная концепция казахской риторики: риторический идеал, идентичность, аргументация и речевая практика».
© Уразаева К. Б., Ерик Г., 2022

графической, литературной и научной Пушкиниане, которая в современной науке может быть описана понятием сверхтекста. Выявлению признаков казахстанского пушкинского текста как сверхтекста, в том числе переводов сказок русского поэта, посвящена настоящая статья.

Следует отметить, что к моменту создания казахских переводов «Сказки о рыбаке и рыбке» и «Сказки о золотом петушке» А. Байтурсыновым в 20-е годы XX века жанр литературной сказки не имел прецедента в нашей культуре. Во второй половине XIX века были опубликованы сказки И. Алтынсарина «Каракылыш», «Золотой чуб» и др., но их нельзя отнести к литературной сказке. Это просветительская, дидактическая проза. В этом смысле казахские переводы сказок Пушкина открыли дорогу новому жанру. Пополнение рядов казахских переводчиков сказок Пушкина З. Кабдоловым, С. Жиенбаевым и А. Асылбеком сопровождало историю литературной сказки в казахской культуре.

Объект исследования в настоящей работе – переводы А. Байтурсыновым сказок А. Пушкина – позволяет охарактеризовать культууроориентированные стратегии – доместикацию и *остранение* – как способы передачи парадоксальности сказки русского поэта и изучить пути влияния казахской риторики на результаты перевода.

С позиции отмеченных явлений актуальным для казахстанской науки представляется вопрос о рассмотрении переводов сказок Пушкина в составе казахстанского пушкинского сверхтекста. Изучение влияния казахской риторики на перевод и – в перспективе – на становление нового для казахской культуры жанра отводит художественному переводу роль признака казахстанского пушкинского текста как сверхтекста.

Способами решения поставленных в работе задач явились анализ влияния казахской риторики на культууроориентированные переводческие стратегии и приемы воздействия переводчика на адресата, в сравнении с оригиналом, установление роли культууроориентированных стратегий перевода для обновления жанров принимающей культуры, описание художественного перевода как фактора эффективного вхождения текста *другой* культуры в принимающую.

Решение данных вопросов способствует в перспективе созданию картины становления литературной сказки в казахской культуре в части художественного перевода. Теоретическая значимость работы обусловлена установлением связи жанрообразования и жанровосприятия в художественном переводе.

Материалы и методы

Использованные в работе методы сравнительно- и культурно-исторического анализа, сюжетологического и переводоведческого подходов опираются на представление о том, что перевод – как объект культурного трансфера и вид культурной модели – строится на системе закономерностей, отражающих связь цели, установки переводчика и результатов перевода.

Обобщение плодотворных для концепции настоящей работы трудов построено на следующих направлениях, школах и подходах. Во-первых, это направления в области пушкинистики, которые способствуют изучению казахстанского пушкинского текста как сверхтекста. Это работы, посвященные пушкинской картине мира: В. Непомнящего [16], сюжетологии сказки – В. Вацура [5], новаторства и жанровых открытий писателя – И. Сурат¹. Внимание к данным работам из огромного массива пушкинистики объясняется изучением пушкинского парадокса как инструмента жанрообразования и жанровосприятия, способов его воплощения в казахских переводах сказки. Во-вторых, особое место занимают работы о теории сверхтекста, восходящей к новосибирской школе Н. Меднис. Мысль ученого о факторах появления сверхтекста как «нового миро- и самосознания, что невозможно было сделать без опоры на некие важные точки, связанные с памятью культуры», представление о сверхтексте как системе «интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью»², явилась базовой для концепции настоящей работы. Большое значение приобретают и исследо-

¹ Сурат И. З. Личный опыт в лирике Пушкина и проблема построения биографии поэта: автореф. дис. ... д-ра филол. наук в форме научного доклада. – М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2001. 59 с.

² Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Электронный ресурс. URL: <http://medialib.pspu.ru/page.php?id=1280> (дата обращения: 01.09.2022).

вания о закрытости / открытости текста, принципиальной множественности интерпретаций, понимания мира как единого текста культуры в трудах Р. Барта [3], Ю. Лотмана [10], В. Топорова [22] и др. Принимались во внимание и научные дефиниции и категории сверхтекста, такие как центральное смысловое ядро, тексты-компоненты, разновидности сверхтекстов: «городские» («петербургский текст», «московский текст», «венцианский текст», «флорентийский текст», «вильнюсский текст», «пермский текст» и проч.), «событийные» (в основе которых – событие, оставившее след в истории, культуре, литературе), «персональные» («пушкинский текст», «булгаковский текст» и т. д.). Известно, что более всего изучены петербургский и московский тексты русской литературы. Их различие и противопоставление по принципу культурных кодов основано на выявлении особенностей тем, мотивов, типов героев и языковых особенностей.

Интересен опыт системного изучения петербургского текста. К примеру, сборник «Moscow and Petersburg. The city in Russian culture» объединил имена зарубежных ученых: Дж. Е. Манро о Петербурге как поликультурном локусе, М. Баньянин, Е. Юдиной и Э. Джонсон – о новых критериях сверхтекста, в том числе «мета-метатекста» [28].

Понятие «московский текст» стало объектом исследования таких ученых, как Н. Анциферов, Ю. Лотман, И. Веселова, Е. Левкиевская, Н. Меднис, С. Небольсин, И. Ничипоров, Т. Николаева, С. Бурини, С. Диккинсон. В изучении московского текста следует выделить цикл «Московский текст» русской культуры в «Лотмановском сборнике», сборник «Москва-Петербург: Pro et contra» [13], статью Ю. Манна «Москва в творческом сознании Гоголя» [11], «Москва в книге "Война и мир"» Н. Великановой [6]. На примере эмигрантской прозы И. Шмелева понятие «московского текста» исследовано в диссертации Е. Андрюковой¹. Своего рода обобщением изучения московского текста явился сборник «Москва и московский текст в русской литературе и фольклоре» [15].

Изучение сверхтекста включает также опыт изучения культурно-географической парадигмы, обращенной к Мехи-

¹ Андрюкова Е. А. «Московский текст» в творчестве И. Шмелева (период эмиграции): дис. ... канд. филол. наук. – Вологда, 2013. 149 с.

ко, Буэнос-Айресу, Нюрнбергу, Мюнхену, Парижу, Флоренции, Стамбулу, Амстердаму, Виченце, Венеции в работах П. Вайля и Н. Меднис [12]. Следует отметить исследование алтайского ученого М. Гребневой о флорентийском тексте¹.

В казахстанском литературоведении разработка свертхтекста в качестве «алмаатинского текста» предпринята Н. Исиной [29]. Так, на примере романа Д. Накипова «Круг пепла» исследователь обосновала понятие «алмаатинский текст» с позиций традиционализма. Аргументами в пользу выделения алмаатинского текста стала рефлексия – как проявление мифологической поэтики – и изучение семантики круга.

Третья группа трудов, которая важна для выработки признаков казахстанского пушкинского текста как свертхтекста, это труды С. Абдрахманова² [1], С. Ананьевой [2]. Следует выделить диссертацию Е. Адильгазинова, посвященную изучению перевода в контексте восприятия читателя³. Значимость труда определяется установлением роли прозы Пушкина для казахской литературы. Объектом анализа исследователя стали переводы произведений Пушкина Абаем и в начале XX века – Ш. Кудайбердиевым и М. Бекимовым.

В-четвертых, для обоснования роли художественного перевода как признака свертхтекста важны труды об иллюкутивном воздействии автора на адресата речи. Это исследования таких ученых, как Дж. Остин [17; 18], П. Стросон [21], В. Василлина [4]. Это также работы о риторическом идеале: А. Сковородникова [20], А. Михальской [14], И. Анненковой⁴. В связи с исследованием иллюкутивного воздействия автора перевода на реципиента важно изучить риторическую аргументацию. Она является предметом анализа в трудах А. Колмогоровой [9].

С позиций изучения казахской риторики важно назвать работы Г. Гиздатова⁵, А. Кажигалиевой⁶, С. Кенжегалиевой

¹ Гребнева М. П. Концептосфера флорентийского мифа в русской словесности: дис. ... д-ра филол. наук. – Томск, 2009. 348 с.

² Абдрахманов С. А. С. Пушкиннің «Евгений Онегин» романының қазақ әдеби және фольклорлық дәстүрендегі орны: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алматы: Институт литературы и искусства им. М. О. Ауезова, 1999. 30 с.

³ Адильгазинов Е. З. Вопросы восприятия прозы А. С. Пушкина в казахской советской литературе и критике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алматы: КазГУ им. аль-Фараби, 1992. 28 с.

⁴ Анненкова И. В. Современная картина мира: неориторическая модель (Лингвофилософский аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2012. 56 с.

⁵ Гиздатов Г. Три стили казахстанской риторики. Электронный ресурс. URL: <http://expertonline.kz/a2145/> (дата обращения: 01.09.22).

⁶ Кажигалиева А. О казахском риторическом идеале. Электронный ресурс. URL: http://www.rusnauka.com/17_SSN_2007/Philologia/14665.doc.htm (дата обращения: 01.09.22).

и А. Карташевой [8]. Связь риторической задачи и риторического анализа, выработка риторической концепции жанра, анализ коммуникативной модели риторики как основы обучения текстовой деятельности рассмотрена К. Уразаевой в работах о риторической модели художественного перевода [23–24].

Литературная специфика сказки Пушкина, как показали результаты предпринятого в рамках докторской диссертации Г. Ерик исследования, обусловлена парадоксом как инструментом жанрообразования и жанровосприятия. В процессе анализа автором диссертации в «Сказке о рыбаке и рыбке» были установлены виды парадоксальности: внетекстовая, сюжетная, стилистическая. В «Сказке о золотом петушке» оппозиция *живого* и *мертвого* описана с позиций имплицитной и эксплицитной парадоксальности. Изучение переводной сказки как текста-компонента по отношению к смысловому центральному ядру (сказке Пушкина) позволяет рассмотреть способы передачи парадокса и видов парадоксальности.

Таким образом, можно сказать, что существуют предпосылки рассмотрения казахских переводов сказки А. Пушкина как сверхтекста. Данная статья написана в продолжение темы о казахстанской Пушкиниане, рассмотренной ранее в аспекте «пушкинского текста» [25]. Казахстанская Пушкиниана стала объектом описания с позиций сложившихся в ней направлений, переводов произведений, посвящений поэту.

Результаты исследования автором казахских переводов сказок Пушкина в аспекте литературной специфики, которая заключается в способах передачи парадокса, влияния казахской риторики на перевод, создает предпосылки для установления художественного перевода как признака сверхтекста. При таком подходе выявляются факторы обновления жанров принимающей культуры, в качестве которых может быть рассмотрена казахская риторика. Ряд статей авторов настоящей работы [25; 26; 27] содержит опыт анализа доместикации, форенизации, *остранения* и культурной решетки переводчиками сказок Пушкина на казахский язык. Было показано значение художественного перевода как

культурной трансмиссии и фактора эффективного вхождения текста другой культуры в принимающую. Такой взгляд, основанный на выявлении факторов обновления жанрового состава принимающей культуры, взаимодействия русской и казахской литератур и культур, убеждает в значимости предпринятого исследования и способствует постановке новой проблемы: влияние казахской риторики на перевод при воплощении пушкинского парадокса. Таким образом, для национального риториковедения перспективной становится задача классификации коммуникативных стратегий и значение риторического мастерства переводчиков для создания сверхтекста.

Результаты

Рассмотрено влияние казахской риторики на культуроориентированные переводческие стратегии. Передача смеховой поэтики и парадоксальной природы сказок Пушкина требовала понимания метода русского писателя. Байтурсынов, чей 150-летний юбилей в этом году стал очередной вехой возвращения в культурный оборот произведений репрессированной национальной интеллигенции, открывает в казахстанской Пушкиниане новые страницы. В период с 1903 по 1909 гг. Байтурсынов перевел произведения Пушкина «Конь», «Песнь о вещем Олеге», «Вольтер», сказки «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Золотой петушок». Для литературной и переводческой судьбы Байтурсынова значимым является факт издания произведений А. Пушкина в 3 томах на казахском языке под общей редакцией С. Сейфуллина [7, с. 42]. В указанной статье казахстанских ученых не приведены примеры включения в собрание сочинений Пушкина на казахском языке переводов Байтурсынова. Между тем включение переводов сказок Пушкина Байтурсыновым в новые собрания сочинений или антологии произведений Пушкина на казахском языке представляется задачей, направленной на интеграцию науки, книжного издательства и формирование читательской культуры.

В переводе «Сказки о рыбаке и рыбке» пушкинский парадокс передается Байтурсыновым прежде всего воспроизведением духовной семантики оригинала. Старик выступает

в роли жертвы обстоятельств, произвола и самодурства старухи, но вместе с тем подтекст скрывает надежду на милость свыше, символизируя волю небес к рыбке. Вместе с тем в идиоречевом стиле старика сохранена бессознательная манипуляция жертвы и апелляция к рыбке для защиты. Такое решение поэтики волшебного отражает сходство фольклорно-сказочных традиций, характерных для русской и казахской культур.

След казахской риторики обнаруживает выбор Байтурсыновым стратегии доместикации¹. Более того, здесь открывается возможность изучения жанрообразования и жанровосприятия. Так, одним из приемов доместикации переводчика является апелляция к представлениям казахов об устройстве жилья. Описание ветхой землянки стариков активизирует коллективное бессознательное казахов. Описание верха и низа землянки: *Үсті шығ, асты шұқыр жерден жырған // Баспана мекенінің сиқы тұрған*² (дословно: *Сверху дерн, внизу дыра, // Чудом стоит на земле*) (112) – несет в себе указание на износ жилища в прямом значении (ветхий домик), а в подтексте скрыто сострадание к возрасту героя. В переводе конкретизация в описании жилища героев определяется реалистической традицией, когда экспозиция требует приемов бытового повествования. Казахская несказочная проза выработала арсенал художественных средств, социализирующих положение героев как первый опознавательный сигнал для формирования коммуникативной настройки у читателя – создание у него расположения, сочувствия к героям. Возраст и описание жилья усиливаются бездетностью стариков и становятся сигналами повествования. Интересен момент внимания автора к бездетности супругов. В народной традиции был распространен обычай не приглашать на праздничные торжества бездетных супругов. Обычай был связан с суеверием, толкованием бездетности как греха, а также смертностью в условиях кочевой жизни от болезни, в годы голода, джута. В переводе Байтурсынова упомина-

¹ Доместикация – это этноцентрический подход, при котором текст оригинала зачастую сокращается, акцент делается на культурных ценностях языка перевода, а автор приближается к читателю (Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. L.; N.Y.: Routledge, 2017. 344 p.).

² Сказка А. Пушкина в переводе А. Байтурсынова цитируется по изданию: Байтурсынов А. Шығармалары: Өлеңдер, аудармалар, зерттеулер. (Құраст. Шәріпов Ә.Дәуітов С.). – Алматы: Жазушы, 1989. – 320 б. Цитируемая страница указана в круглых скобках.

ние о бездетности супругов становится знаком сочувствия и возвращает нас к наблюдению о том, что для фабулы перевода значима подтекстовая аллюзия.

Приемы пародирования восходят к восточной книжной традиции: описание дворца предстает в декоративной росписи стен, изображении поющих птиц: *Салған үй салтанатты сәніменен, // Бояған, оюлаған мәніменен. // Сайраған бақшасында түрлі құстар // Келтірген көңіл хошын әніменен* (дословно: Дом построен как торжественный дворец // Раскрашен, покрыт узорами. // Во дворце различные птицы // Поднимают настроение пеньем своим) (114). Использование условной книжной традиции становится, с одной стороны, приемом доместикации. Переводчик апеллирует к представлениям казахского читателя об интерьере и роскоши у знати. Переводчик активизирует представления народа о социальной иерархии: делении на 'қарашекпен' (черночекменшики) и 'ақсүйек' (белая кость).

Доместикация используется переводчиком для создания психологического портрета старухи, и здесь диапазон приемов пародирования представляет широкую градацию. Это указание на нетерпимость и властность старухи для срочного исполнения рыбкай прихоти старухи. Здесь значимо дополнение от автора: *Жұмыстың тығыздығын, тезін айтты* (дословно: указала на срочность исполнения дела) (117). Это и примеры акцентирования власти старухи деталями социального свойства. Старуха повелевает в сане царицы: *Тапсырды шалға жұмыс, әмір етіп* (дословно: поручила старику, демонстрируя власть) (115). Роль доместикации для усиления переводчиком пародирования автором оригинала семейных отношений потребовала от Байтурсынова применения фразеоресурсов казахского языка и пословиц. Например: *Сөз қатсаң, жыртылады жағаң* (дословно: Не сдержишь слова. т.е. не выполнишь требуемого, воротник будет порван, т.е. будешь наказан) (117). Или использование идиомы: *Көз салды жан-жағына мойнын бұрып* (дословно: озирается, т.е. вертит шейей) (117). Так переводчик вовлекает в сферу иронического повествования образ старика, что созвучно концепции оригинала.

Самостоятельную группу пародирования, которая объясняет особенности использования доместикации, составляют приемы комической модальности и языковой игры. Так, пушкинским 'дурачина' и 'простофиля' найдены соответствия: *Ақымақ ... алжыған, кеткен есің!* (дословно: бестолочь, сумасшедший (маразмирующий)) (113), *Миы ашыған, қу көк сақал!* (дословно: Скисшие мозги, сивая борода) (113), *адырағал* (дословно: таращишь глаза), *миың ашып кеткен шіріп* (дословно: Мозги твои прокисли, сгнили) (114). Старуха использует для большей негации прием общественной репутации старика. Переводчик прибегает к кальке: *Қадірсіз мүжық деген ат халыққа* (дословно: Для народа лишенный уважения мужик). Эта калька является единственным случаем форенизации, что свидетельствует не только о максимальной адаптации оригинала к сознанию казахского читателя, но и мастерстве Байтурсынова в достижении аутентичности перевода. Примеры: *Әдепсіз, ақылы жоқ, жарым* (дословно: Невоспитанная, глупая моя старуха) (115) и *Ақымақ, әдебі жоқ, алжыған құл* (дословно: Бестолковый, невоспитанный, сошедший с ума слуга) (116) – отражают также интересные способы адаптации русской сказки к восприятию казаха посредством распространенных в обиходе вульгаризмов. В комической модальности перевода можно выделить и зрелищную символику психологического свойства: *Кемпірі шалға көзін бажырайтты* (дословно: Старуха вытаращила глаза) (113). Такое пародирование отсутствует в оригинале, но оправдано найденным переводчиком решением. Оно связано с мировоззренческой природой смеха, характерной для русской народной сказки.

Для комической модальности перевода типичны приемы языковой игры, построенные на использовании формул семейного этикета. Обозначение старухи просторечным 'қатыны' передает не только встречающееся в обиходе грубое и лексически эквивалентное *баба*. В казахском обычном институте семьи это обозначение социальной роли и знак принадлежности семье (его жена). Переводчик использовал и такую семейную категорию: 'жарың' (твоя жена), где флексия содержит не только значение принадлежности, но и ал-

люзию на безволие старика и принятое в пантеоне семейных ценностей распределение ролей.

Игру вульгаризмами, направленными на передачу склочного и сварливого нрава старухи, представляют примеры перевода Байтурсыновым пушкинского 'вздурилась'. 'Вздурилась' – переход границы разумного – привело в переводе к созданию отклонения поведения старухи от общепринятых норм: *Кемпірдің мұң-мүддесін* (дословно: печаль, желания, намерения) (114). Автор акцентирует внимание читателя на осознании стариком избыточности требований старухи, чувстве вины героя за несоразмерность притязаний старухи, что привело переводчика к выбору способа оправдания стариком его жены: *Таянды жындануға кемпір жетіп* (дословно: Старуха дошла до предела безумия) (115).

Применение доместикации включает такие приемы создания комической модальности, как синтаксические и стилистические фигуры. Например, пародирование старухи при помощи риторического вопроса: *Қатыны, қайтып келсе, болған ханым, // Қасына шал қалайша жолаp енді?!* (дословно: Вернулся, а баба его стала барыней. // Как же теперь старик приблизится к ней?) (114) – усиливает дистанцию между супругами и подчеркивает бесправие старика. Риторизация стиля является в переводе Байтурсынова доминирующим способом достижения аутентичности в воспроизведении оригинала.

Приемы языковой игры – как основного источника пародирования – привлекают внимание к использованию Байтурсыновым повтора при описании дворца и усилению производимого на читателя эффекта с помощью лексемы с обобщенным значением. Например: при помощи лексической единицы 'бәрі' (все) переводчик создает гиперболический образ изобилия. Акцентирование признаков материализованного богатства воспроизводит пародийный стиль оригинала: *Бәрі мол, бәрі байлық, бәрі ірі* (дословно: Всего вдоволь, все богато, все крупное) (114). Объектом пародирования становится описание позы старухи: *Паңсынып сыртқы есікте тұр кемпірі* (дословно: в позе защитника, охранителя) (115). Это не просто формула состояния: дееспричастие передает обусловленность высокомерия и спеси старухи ее новым социальным стату-

сом. Ирония передана и в оппозиции социального прошлого и настоящего: *Бұрынғы жұмықтығы естен кетіп* (дословно: Забыла крестьянское прошлое) (115). Дополняет иронические коннотации реплика рыбки, комментирующей желания старухи стать царицей, и снисхождение к просьбе старика: *Жүргізіп жұртқа әмірін мейлінше, // Айбынды болар патша жарың»* (дословно: Пусть показывает власть людям, // Будет старуха твоя царицей) (116).

Доместикация построена и на поиске лексических соответствий. Например, распространенное в казахском обиходе понятие *'шабарман'* (посыльный) становится ритуальным пародийным обозначением статуса рыбки.

Интересны примеры использованного Байтурсыновым *остранения*. Анализ примеров *остранения* позволяет охарактеризовать их как факты проявления и влияния национальной концептосферы, а по функции отнести к разновидности доместикации, позволяющей выявить и описать новаторство переводчика. В пользу приведенного тезиса свидетельствует функция ритуальных фраз речевого этикета, обладающих прозрачной семантической и коммуникативной направленностью: *Балыққа айт менен көп-көп сәлем!* (дословно: Передай рыбе от меня большой привет) (117).

В основе *остранения* лежит прием активизации воображения и сознания адресата перевода. Например, указание на возраст старика и его физическую немощь вызывают ассоциацию с уважением и почитанием в казахской народной культуре. Немощь передается при помощи тропа *әлі жоқ сөз қайырар* (дословно: Нет сил – сил для возражения) (117). Однако избивание старика становится перевертышем ценностных народных представлений.

В числе примеров *остранения* можно назвать и другие формулы казахской риторической культуры. Например, успокоение рыбкой старика: *'қайғырма'* (дословно: не печалься). Выражение не обладает аксиологической окраской оригинала и выдержано в границах формул утешения, характерных для казахской культуры. Риторическая стратегия переводчика, которая отражает нормы выработанного казахским народом речевого этикета, наблюдается и в такой формуле успо-

коения (утешения) в ситуациях выражения соболезнования, как *'сабыр ет'*. Она закреплена в похоронно-поминальной обрядовой практике казахского народа.

Остранение достигается и применением формул, актуализирующих на бессознательном уровне следующие ценностные представления казахского народа. Например: *Күн көрген бишаралар / Болмапты төрт түліктен ырымға мал* (дословно: Не знавшие жизни бедолаги, / Не имея домашнего скота) (112) – оперирует понятием *төрт түлік*. Оно обозначает четыре вида почитаемых кочевым народом домашних животных, у каждого из которых есть свой покровитель. В-третьих, это назидательная составляющая в виде формул мудрости. *Бұрынғы айтпап па еді мақалдарын?* (дословно: разве не учит нас старина) (116) – риторический вопрос, отражающий дидактизм как этиологическую установку на слушателя. Она типична для казахского менталитета, фольклора и системы повествования в эпосе.

Остранение – как утрата аксиологии оригинала – выражается в переводе описанием желания старухи стать царицей. Это состояние неудовлетворенности показано переводчиком с помощью сниженного употребления слова *'жан'* (душа): *Жеткен жоқ жаным әлі ырзалыққа. // Ақсүйек дәрежесін азсынамын, // Патша етсін мені дереу бір халыққа!* (дословно: Не удовлетворена душа старухи по-прежнему / Мало ей быть белой костью, // Хочет стать царицей у народа) (115).

Остранение влияет на трансформацию хронотопа оригинала. Например, финал перевода: *Түсіріп таз кебіне бірақ күнде, // Қойыпты қу қақбасты Кұдай ұрып* (дословно: В один миг все стало как было // Проклял бог хитрую ненавистную старуху!) (117) – являет переводческую деривацию. У Пушкина нет морали в виде самостоятельного, структурно выделенного компонента. Назидательный философский смысл оригинала тяготеет к библейскому сюжету «голый человек на голой земле», но в пародийной коннотации. Поэтому к поэтике финала сказки Пушкина применимо понятие «обратной перспективы» (П. Бицилли). У Байтурсынова финал обладает значением сиюминутности, тщетности устремлений старухи. Вместе с тем психологическая

сложность финала, когда переводчик «играет» коннотативными смыслами, совпадает в трактовке идеи с оригиналом: покорный воле жены старик переживает со старухой возмездие свыше. Отсюда утрата номинально грубого значения идиомы 'қу қақбас' (дословно: бездетный, ненавистный, противный) по отношению к старухе.

Итак, переводческая стратегия Байтурсынова, характеризующаяся влиянием казахской риторики, достигается, главным образом, при помощи доместикации и *остранения*. Доминирование доместикации объясняется популяризацией сказки Пушкина, необходимостью разработки формульной поэтики сказки, адаптированной к казахскому слушателю. Доместикация построена на пародировании, языковой и литературной игре как способах передачи пушкинской комической модальности и парадоксальности сказки. Определяющую роль играет опора переводчика на фразеоресурсы родного языка. *Остранение* – как разновидность доместикации – отражает влияние национальной концептосферы на выражение авторского стиля.

Изучение доместикации в переводе «Сказки о золотом петушке» показывает как применение апробированных в переводе «Сказки о рыбаке и рыбке» приемов, так и использование новых. Например, доместикация коснулась ономастического принципа. Имя царя в переводе стало 'Дадан'. Вероятно, здесь сказалось влияние казахского сингармонизма. Интересен прием доместикации, когда пушкинский текст: *лихие гости с востока* – обрел полноту смысла в двоякой значимости. С одной стороны, переводчик сохранил смысл топонимических координат. С другой, эти понятия обладают историко-культурными коннотациями для читателя оригинала. Так, в оригинале *восток* активизирует в сознании реципиента ассоциацию, касающуюся противостояния славян и половцев. Байтурсынов перевел *юг* и *восток* как *қырдан* (с возвышенности, холма) и *сырттан* (с внешних границ). Вместе с тем в переводе встречается пример воспроизведения исторического факта противостояния и религиозной оппозиции. Таков фрагмент: *Қырдан күтсе, жау суда, // Сырттан десе, құбыладан. // Жан-жағынан жау ұрды!* (Ждут

¹ Сказка А. Пушкина в переводе А. Байтурсынова цитируется по изданию: Байтурсынов А. Шығармалары: Өлеңдер,

со стороны холма, а враг – со стороны воды, ждут с внешних границ – а они со стороны Киблы, со всех сторон обрушился враг) (118). Кибла является для исповедующего ислам человека знаком высокого значения. Это понятие символизирует направление с любой точки на земле в сторону священной Каабы в Мекке. В этом направлении мусульмане совершают обряд молитвы. Это направление семиотично как часть духовно-религиозного культа и ритуалов. Сравним: в другом месте казахского перевода *восток* осмыслен – в соответствии с оригиналом – как географическое и космологическое понятие и переведен дословно: *куншығысқа*.

Интересно наблюдать сложную природу образности в переводе Байтурсынова при создании им картины мира как парадоксального явления, совмещающего в себе предметы быта (*дорба* вместо слова «мешок», *арба* вместо «колесницы») для создания реалистического антуража и мифологические представления в изображении чувств и состояний героев. Автор перевода вызывает у читателя на бессознательном уровне устойчивые ассоциации, обладающие закрепленным за ними значением. Например: *ұйқыдан айрылды* (лишился сна, точнее покоя), *жан шошитын* (вызывающая испуг у души). На границе с метафорами мифологического свойства Байтурсынов использует в качестве способов психологического воздействия на читателя фразеоресурсы родного языка. Интересна идиома *мойныңдағы міндетті*. *Мойындау* в казахском языке означает *признать вину* (дословно: взять на свою шею). На границе с метафорическим осмыслением аналогичную выразительность приобретает зрелищная и звуковая символика. Например: *Қара қанға малышынған* (Погруженный (по горло) в черную кровь) – передает интенсивную степень трагического события, исключительную степень кровавого побоища. В оригинале автором использована метафора фольклорно-мифологического ряда: «по кровавой мураве», что щадит впечатлительность читателя, создавая отвлеченную картину боя.

Байтурсынов в передаче комической модальности, когда развертывается сюжет искушения, соблазна Дадона, бли-

---

аудармалар, зерттеулер. (Құраст. Шәріпов Ә., Дәуітов С.). – Алматы: Жазушы, 1989. – 320 б. Цитируемая страница указана в круглых скобках.

зок к автору оригинала. Это приемы пародирования. Если Пушкин использовал в качестве пародии приемы условной восточной книжной традиции, то для переводчика выбор доместикации с прояснением состояния царя, впавшего в детство, напоминающего ребенка, получившего куклу, достигает пика язвительной иронии: *Нұры күндей шашылып / Қуыршаққа қуанған, // Балаларша уанған, // Жылағанын хан қойды* (Словно осиян лучами солнца, // Обрадовавшийся кукле, // Как младенцы угукают, // Хан перестал плакать) (122). Высшей степени травестирования переводчик достигает в сцене поучения Дадоном мудреца. Отказ царя, его мотивация: *Қуарған шал! Сый алмай, // Қыз сұрайсың ұялмай, // Соққан сені захмет. // жоғал! Кет!* (Высохший старик! Не стыдясь, просишь девушку, Грех тебя попутал, // Пошел прочь!) (124). Такое решение Байтурсынова представляется удачным, поскольку парадоксальная смена горя и полное забытие царя вписываются в жанровую природу оригинала. Не меньшей иронией и сарказмом отмечен портрет царицы: *слаңдаған сызылып* (кокетничая, ломаясь) (122). В поведении щеголихи, кокетки акцентирован жест манерного лицемерного угодничанья. Сатирическим предстает портрет мудреца, настаивающего на дани в лице шамаханской царицы. Переводчик травестирует в образе звездочета признаки возраста, используя прием гиперболы: *Ақ бөркі бар басында. // Ет жоқ, ұрты суалған, // Сақал, мұрты қуарған, // Қара қыл жоқ шашында* (В белой шапке, // Тощий, запавший рот, // Реденькие, высохшие борода и усы, // Ни единого черного волоса). Дадон издевательски подчеркнуто обращается к звездочету (будучи его ровесником): *қарт бабам* (почтенный старче, отче). К примерам доместикации следует отнести и дополнения от автора. Гнев, который Дадон обрушил на мудреца, сопровождается ремаркой переводчика: *Қысылғаннан шықты тер* (Аж пот выступил от гнева) (124). Такое авторское «вмешательство» в повествование не только усложняет логику повествования, но отражает прежде всего жанровые признаки литературной сказки как нового для казахской культуры единства.

Перевод Байтурсынова содержит и приемы форемизации. Первый случай кальки вплетен в переводческую

дисперсию. 'Кири-ку-ку' у Пушкина является частью иронического парафраза, апеллирующего к идиоме и звукоподражанию семантического свойства. Выражение: *Царствуй, лежа на боку!* – апеллирует к фразеологизму *лежебока* и вызывает ассоциацию с законом чуда, волшебства в русской сказке. В переводе 'Кири-ку-ку' является частью дословного перевода, где русский фразеологизм не нашел лексического эквивалента. Вторая калька являет описание смеха шамаханской царицы: 'Хи-хи-хи! Ха-ха-ха!'. Таковы два случая форенизации в переводе Байтурсынова.

В пользу обоснования *остранения* как переводческой стратегии, представляющей собой вид расширенной доместикации, тяготеющей к большей степени обобщения и абстрагирования, обеспечивающей парадигматизацию сюжета, свидетельствуют следующие примеры. Исключительная, критическая для Дадона ситуация: *Что и жизнь в такой тревоге!* (128) – переводится понятным для казаха языком. Дословный перевод фрагмента: «*Безген ат боп белінен, // һәр һәпсінің желінен*» (До пояса конь, / Ниже – кобылица) (126) – не передает экстремального положения, в котором оказался царь. Образная картина коня-изгоя создает параллелизм, обладающий психологическим и философским смыслом. *Безген* называют человека, бежавшего с родины. *Безген ат* – конь на чужбине. *Һәпсі* переводится как *аскет* и в то же время *страсть*. *Желин* – *вымя*. Следы ритуальности в *остранении* обнаруживаются в обращении звездочета к Дадону: *Қабыл ет, хан, арызды!* (Хан, прими просьбу) (123). Ритуальное *қабыл* несет след пожелания не гневить неупомянутого тут Бога. Здесь мы видим проявление парадоксальной природы сказки.

Остранение является приемом парадигматизации сюжета. Когда Дадон отправляется в поход, то автор сопровождает это действие напутствием-благопожеланием, имеющим не просто ритуализованный характер. Автор перевода сохраняет иллюзию в отношении героя, ведомого чувствами и долгом царя и отца. В выражении *Құтты болғай деп қадам* (120) – закодировано пожелание благого пути. Казахи, благословляя человека на важном переломном этапе жизни, произносят ритуальную фразу: *Құтты болсын қадамың* (да благоволит тебе удача).

К проявлению *остранения* можно отнести и аллюзию на скопца. У Пушкина данный момент является не просто предметом иронии: он содержит аллюзию на абсурдность требования звездочета, на что, возможно, намекает Дадон. Байтурсынов ограничивается аллюзией на данное обстоятельство. В сцене финальной встречи Дадона с мудрецом на скопца указывают реденькие борода и усы мудреца. Требование звездочета-мудреца сосредоточено исключительно в этическом поле: он настаивает на том, чтобы царь сдержал свое обещание.

Примером *остранения* является случай «корректировки» переводчиком пушкинского хронотопа. Сравним акцентирование автором русской сказки повторов временных интервалов: между важными событиями, основными звеньями фабульного ряда проходит 8 дней. У казахского переводчика замена цифры 8 на 7 имеет мифопоэтическую и ритуальную основу. Апелляция к сакральной цифровой символике казахов – это обращение к бессознательному, потому что цифра 7 ассоциируется у казаха с этапом поминального обряда. Эта символика обладает позитивной коннотацией. Например, ритуал казахов печь 7 лепешек по пятницам несет следы поминовения духа предков.

Остранение обнаруживает себя и в табу на прямое именование смерти: *Сұғып, тапқан тыңышты* (Нашедшие покой с вонзенным в них оружием) (121). Известно, что ислам осуждает страх перед смертью, отсюда два финала легенды о Коркуте. Бегство от смерти Коркута, пытавшегося обмануть ее игрой на кобызе, в мусульманской версии заканчивается неизбежностью конца. В языческой версии Коркут остается жив. Осуждение страха смерти связано с основной идеей ислама о гармонии как невмешательстве в природный порядок вещей, ход событий. Типичные для казаха представления, являющиеся результатом адаптации канонов и догматов ислама к народным представлениям, могут трактоваться как пример *остранения*.

К примерам *остранения* следует отнести, условно говоря, «жоқтау» Дадона. Это поминальный жанр, похоронная песня, характеризующаяся определенными формулами параллелизма. Они образуют синтаксический параллелизм

в плаче отца: *Екі азамат сұлтаным! // Екі лашын-сұңқарым! // Ауға түскен, алданған. // Маған күйік! Маған дерт! // Маған өлім! Маған мерт!* (Два моих богатыря! // Два моих сокола! // Обманутые, попавшие в сети! // Мне горе. Мне скорбь! // Мне смерть! Я искалечен (изувечен)) (121).

Передача литературной специфики сказки Пушкина в казахском переводе под влиянием казахской риторики способствует анализу воздействия автора на адресата.

Воздействие Байтурсынова-переводчика на адресата осуществляется в границах казахской риторической традиции в поле зрелищной символики, которая восходит к мифологической поэтике. Знаки: *Бұзылып судың түсі лайланып* (дословно: потемнело море, ил поднимается на поверхность со дна) (117), *Қарайып теңіз беті түнереді* (дословно: потемнела поверхность моря) (115) – формируют у читателя ощущение и предвестие беды. Источником пародирования при описании интерьера в переводе Байтурсынова становится психологизация. Сравним описание дома старухи в роли столбовой дворянки. Пушкин иронически воссоздает наивные представления простого человека о быте, нравах и поведении дворян: *Высокий терем. // На крыльце стоит его старуха / В дорогой собольей душегрейке, // Парчовая на маковке кичка, // Жемчуги огрузили шею, // На руках золотые перстни, // На ногах красные сапожки. // Перед нею усердные слуги; // Она бьет их, за чупрун таскает!* (537).

В палитре средств воздействия на читателя перевода выделяется роль морфологической структуры казахского языка и процессов словообразования. Примеры грамматического плана, в том числе редупликация как усиление эмоционального воздействия на читателя, способствуют созданию иронии в изображении героев и применению смеховой поэтики. Например, употребление слов, структура которых основана на повторении корня: 'әп-әдемі' (очень красивый), 'салып-салып' (ударив), 'далме-дал' (точь-в-точь), 'тұрып-тұрып' (постояв, постояв), 'жырық-жырық' (поцарапанный), 'аң-таң қалып' (поразились). Для воздействия на адресата переводчик применяет лексику с экспрессивной окраской

¹ Сказка цитируется по изданию: Пушкин А. С. Сказка о рыбаке и рыбке // Пушкин А. С. Стихотворения / Рос. АН. - СПб.: Наука, 1997. - С. 339-343. (Лит. памятники). В круглых скобках указана цитируемая страница.

при описании состояния героя: *азап* (мучение, страдания), *'таңырқанып'* (поразившись). Так переводчик усиливает сострадание читателя к старику, ставшему жертвой произвола старухи.

Инструментами воздействия автора на читателя становятся риторический вопрос *Ағына сақалының кім қарайды?* (Кто же уважит его седины) (116), описание грубого обращения с ним и динамика глагольных форм: *Желкелеп, сүйреп, жұлқып жұлмалайды* (дословно: вытолкали взашей, волоча по полу, дергая и толкая) (116). В эпизоде *Шалды айдап алып келді дірдектетіп* (дословно: притащили трясущегося, дрожащего старика) (117) событие достигает кульминации. Выворачивание ценностных начал подчеркнуто травестированием, создаваемым путем использования коллективной реплики: *Жұрт күліп: Шал екенсің, – деді, – жарым, / Ақылың кем болған соң, кімге обалың?* (Дословно: Дорогой, если недостаточно ума, то кто виноват? Эквивалент: «На зеркало неча пенять») (116). Риторизация народной мудрости, обращенная к старику, содержит аллюзию на нарушение норм, формируя сострадание к старику за счет несобственно-прямой речи.

Среди средств воздействия автора оригинала на адресата особую роль играют техники манипуляции. И здесь роль *остранения* обусловлена использованием Байтурсыновым метафизических категорий. Например, манипуляция старика при обращениях к рыбки: *Өлдім әбден тынышым кетіп* (дословно: Покоя лишился окончательно, пришла моя смерть), *Барады сүйегімнен сөккені өтіп* (дословно: До костей пробирает ее брань) (114). Среди техник манипуляции следует выделить и ироничное авторское: *Сақтасын долы қатын перісінен!* (дословно: Упаси Господь и сохрани от сварливой старухи!) (113).

Интересны примеры обращения переводчика к зрительному восприятию читателя, когда Байтурсынов «оживляет» воображение привычными картинami опознавательных и запоминающихся примет. Например, пушкинское: *«Ни побоища, ни стана, // Ни надгробного кургана»* в передаче на казахский язык удивления и недоумения Дадона и его рати приобретает характер реакции, ощущаемой как шок от со-

зерцания пустоты. Разное решение хронотопа: измерение в оригинале ожидаемыми знаками действительности после битвы и сражений при помощи реальных примет, а в переводе в качестве ожидаемой картины выступают образ муллы или надгробный памятник: *Ешбір белгі жолда жоқ // – Мола да жоқ, көр де жоқ, // Салық салған жер де жоқ, // Соғыста жоқ, қол да жоқ* (Нет никаких примет на дороге, // Ни муллы. // Ни могилы (надгробия), // Ни обложенных подачью земель, // Ни войны, ни рати) (121) – позволяют судить о подвижности границ между культурной решеткой и доместикацией в переводе или совмещении двух стратегий Байтурсыновым.

Литературная игра в оригинале и переводе построена на картине мира, в которой мировоззренческая основа стала источником драматической модальности, причем со знаками религиозно-духовного содержания. Образ надгробия вводит тему смерти, причем достойной отпевания и почитания. Аллюзия на сакральность смерти делает контраст с последующим поведением Дадона и развитием сюжета ярким жанровым признаком пушкинской сюжетной парадоксальности. В переводе парадоксальность также заключена в границы фабульно-сюжетного разрешения драматических и комических коллизий. Таким образом, доместикация «участвует» в переводе как принцип построения картины мироздания, запуская в сознании адресата перевода культурологические коннотации.

Обсуждение и выводы

Итак, передача Байтурсыновым парадоксальности сказки Пушкина посредством символики, звуковой и зрелищной, аксиологической семантики оригинала, психологической мотивировки поступков героев, двойственной природы смеховой поэтики и одновременной адресованности сказки Пушкина ребенку и взрослому позволяет судить о близости перевода оригиналу. Достижение аутентичности перевода обеспечивается способами воздействия автора на читателя, игрой комического и драматического. С позиции сюжетологии, парадоксальная природа сказки Пушкина обусловлена корреляцией синтагматической фабулы и па-

радикальным сюжетом, что объясняет выбор культурно-ориентированных стратегий.

Описание структуры конфликта в казахских переводах и выявление факторов интеграции другой культуры в культуру языка перевода позволяет установить место казахских переводов сказки Пушкина в казахстанском пушкинском тексте.

Дополнение установленных отечественной наукой признаков сверхтекста как тематического и жанрового единства концепцией художественного перевода реконструирует и делает целостной картину литературного процесса в Казахстане в части жанрового обновления, в том числе жанром литературной сказки.

Список литературы

1. Абдрахманов С. Коран и Пушкин. – Астана: Елорда, 2006. – 288 с.
2. Ананьева С. В. Казахская пушкиниана. Последняя четверть XX века – первое десятилетие XXI. – Алматы: Жібек жолы, 2009. – 292 с.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
4. Василина В. Н. Иллокуция как коммуникативная характеристика высказывания // Вестник МГЛУ. – Серия I. Филология. – 2005. – № 2 (18). – С. 44–53.
5. Вацуру В. Э. «Сказка о золотом петушке»: (Опыт анализа сюжетной семантики) // Пушкин: Исследования и материалы / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – СПб.: Наука, 1995. – Т. 15. – С. 122–133.
6. Великанова Н. П. Москва в книге «Война и мир» // Москва в русской и мировой литературе: сб. статей. – М.: Наследие, 2000. – С. 170–184.
7. Джолдасбекова Б. У., Баратов Ш. М. Исследование творчества Пушкина в литературоведении Казахстана // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2016. – №1 (159). – С. 40–44.
8. Кенжегалиева С. К., Карташева А. Н. Казахские коммуникативные традиции // Риторика и речеведческие дисциплины в условиях реформы образования. – М.: Тезаурус, 2016. – 348 с.
9. Колмогорова А. В. Аргументация в речевой повседневности. – М.: Флинта-Наука, 2009. – 152 с.
10. Лотман, Ю. М., Успенский Б. А. Миф – имя – культура // Избранные статьи: в 3 т. – Таллин: Александра, 1992. – Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 58–75.
11. Манн Ю. Москва в творческом сознании Гоголя // Москва и «московский» текст русской культуры / отв. ред. Г. С. Кнабе. – М.: РГГУ, 1998. – С. 63–81.
12. Меднис Н. Е. Венеция В русской литературе. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1999. – 392 с.
13. Москва–Петербург: Pro et contra / сост. К. Г. Исупов. – СПб.: РХГИ, 2000. – 1017 с.
14. Михальская А. К. Основы риторики. Мысль и слово: учеб. пособие. – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.
15. Москва и московский текст в русской литературе и фольклоре. Материалы VIII Виноградовских чтений. – М.: МПГУ, 2004. – 244 с.

16. Непомнящий В. С. Собрание трудов: в 5 т. – М.: Издательский центр МГИК, 2019. – Т. IV. – 512 с.

17. Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник / пер. с англ. / сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова; общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986. – 424 с.

18. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 21. Теория речевых актов. – С. 22–129.

19. Пушкин А. С. Стихотворения. – СПб.: Наука, 1997. – 639 с. (Лит. памятники)

20. Сковородников А. П. Риторический идеал, или речевой (коммуникативный) идеал // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). – Красноярск: СФУ, 2014. – С. 557–558.

21. Стросон П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С. 131–150.

22. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. – СПб.: Искусство, 2003. – 617 с.

23. Уразаева К. Иллокутивное воздействие говорящего на слушающего // II-ой Всемирный Конгресс "Восток-Запад: пересечения культур". – Киото, 2019. – С. 63–69.

24. Уразаева К. Б. Национальная концептосфера и риторическая коммуникация автора – переводчика – адресата // Русский язык и литература в контексте глобализации. VI Международная научно-практическая конференция. – М.: МГУ МАПРЯЛ, 2019. – С. 516–522.

25. Уразаева К. Б., Ерик Г. "Пушкинский текст" и казахстанская пушкиниана: направления, переводы, посвящения // ART LOGOS. – 2021. – № 2 (15). – С. 19–33.

26. Уразаева К. Б., Ерик Г. Культуроориентированные стратегии и аутентичность художественного перевода (на материале перевода С. Жиенбаева произведения А. Пушкина «Сказка о золотом петушке») // Вестник ЕНУ. Серия Филология. – 2022. – № 2 (139). – С. 138–150 DOI 10.32523/2616-678X-2022-139-2-138-150/

27. Уразаева К. Б., Ерик Г. "Культуроориентированные стратегии Ахмета Байтурсынова – переводчика сказок Александра Пушкина" // Вестник КазНУ. Серия Филология. – 2022. – №2 (186). – С. 245–258.

28. Байтұрсынов А. Шығармалары: Өлеңдер, аудармалар, зерттеулер. (Құраст. Шәріпов Ә. Дәуітов С.). – Алматы: Жазушы, 1989. – 320 б.

29. Isina, N. Circle as a Reflection: "Almaty" Text as a Wayto Express Traditionalism (D. Nakipov's Novel "The Circle of Ash") // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2016. – V. 9. – № 5. – Pp. 1166–1173.

30. Ian, K. Lilly. "Moscow and Petersburg. The city in Russian culture". – Nottingham: Astra Press, 2002. – 120 p.

31. Urazayeva, K. B., Razumovskaya, V. A., Yerik G. Translating «The tale of the fisherman and the fish» into kazakh: Pushkin in other culture // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2022. – Т. 15. – № 2. – Pp. 187–203.

Kuralay B. Urazayeva, Gulnur Yerik

Kazakh Translations of A. S. Pushkin's Fairy Tale as a Overtext. The Influence of Kazakh Rhetoric on Translation

The article is devoted to the influence of Kazakh rhetoric on Baitursynov's translations of Pushkin's fairy tales and the establishment of signs of a overtext. Culturally oriented translation strategies: domestication and estrangement are analyzed in the aspect of the Pushkin paradox as a tool of genre for-

mation and genre perception. In the domestication, such literary and language techniques as phraseological resources of the Kazakh language, spectacular and sound symbols, parody of family etiquette formulas, colloquial and abusive vocabulary, hyperbole are highlighted. The estrangement is due to the national conceptual sphere, which explains the activation of the reader's value ideas of the Kazakh people. It is also the correlation of the plot and the fabula, the techniques of ritual practice, the addressing of Pushkin's fairy tale to a child and an adult. The perspective of the development of the concept of "Kazakh Pushkin text" and the isolation of fairy tale translations in its composition expands the theory of overtext from the standpoint of literary translation as a factor of updating the genres of the target culture.

Key words: Pushkin's fairy tale, Baitursynov's translations, Kazakh Pushkin text, overtext.

For citation: Urazayeva K. B., Gulnur Ye. (2022) Kazahskie perevody skazok A. S. Pushkina kak sverhtekst. Vliyanie kazahskoj ritoriki na perevod [Kazakh Translations of A. S. Pushkin's Fairy Tale as a Overtext. The Influence of Kazakh Rhetoric on Translation]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 96–121. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2022_4_96

The article was written within the project of «Scientific concept of Kazakh rhetoric: rhetorical ideal, identity, argumentation and speech practice»

References

1. Abdraxmanov, S. (2006) *Koran i Pushkin* [Koran and Pushkin]. Astana: Elorda Publ. (In Russian).
2. Anan'eva, S. V. (2009) *Kazahstanskaya Pushkiniana. Poslednyaya chetvert' XX veka – pervoe desyatiletie XXI* [Kazakhstan Pushkiniana. The last quarter of the XX century – the first decade of the XXI] Almaty: Zhibek zholy Publ. (In Russian).
3. Bart, R. (1989) *Izbrannye raboty: Semiotika Poetika* [Selected works: Semiotics: Poetics] Per. s fr. / Sost., obshch. red. i vstup. st. G. K. Kosikova [Translation from french / General edition and the introductory article by G. K. Kosikova]. Moscow: Progress Publ. (In Russian).
4. Vasilina, V. N. (2005) *Illokutsiya kak kommunikativnaya kharakteristika vyskazyvaniya* [Illocution as a communicative characteristic of an utterance] *Vestnik MGLU. Seriya 1. Filologiya* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Philology]. No. 2 (18). Pp. 44–53. (In Russian).
5. Vatsuro, V. EH. (1995) «Skazka o zolotom petushke»: (Opyt analiza syuzhetnoi semantiki) [“The Tale of the Golden Cockerel”: (Experience in the analysis of plot semantics)] *Pushkin: Issledovaniya i materialy / RAN. In-t rus. lit. (Pushkin. Dom)* [Pushkin: Research and Materials / RAS. In-t Rus. lit. (Pushkin House)]. St. Petersburg: Nauka Publ. T. 15. Pp. 122–133. (In Russian).
6. Velikanova, N. P. (2000) *Moskva v knige «Voyna i mir»* [Moscow in the book “War and Peace”] *Moskva v russkoi i mirovoi literature* [Moscow in Russian and World literature] Sb. statei. Moscow: Nasledie Publ. Pp. 170–184. (In Russian).
7. Dzholdasbekova, B. U., Baratov, Sh. M. (2016) *Issledovanie tvorchestva Pushkina v li-tera-turovedenii Kazakhstana* [Research of Pushkin's creativity in literary criticism of Kazakhstan] *Vest-nik KazNU. Seriya filologicheskaya* [Bulletin of KazNU. Philological series]. No. 1. (159). Pp. 40–44. (In Russian).
8. Kenzhegalieva, S. K., Kartasheva A. N. (2016) *Kazahskie kommunikativnye traditsii* [Kazakh communicative traditions] *Ritorika i rechevedcheskie distsipliny v usloviyakh reformy obrazovaniya* [Rhetoric and speech disciplines in the context of education reform]. Moscow: Tezaurus Publ. (In Russian).

9. Kolmogorova, A. V. (2009) *Argumentatsiya v rechevoi povsednevnosti*. [Argumentation in everyday speech]. Moscow: Flinta-Nauka Publ. (In Russian).

10. Lotman, YU. M., Uspenskij, B. A. (1992) *Mif – imya – kul'tura* [Myth – name – culture] *Izbrannye stat'i: v 3 tt.* [Selected articles: in 3 vols] Tallinn: Aleksandra Publ. T. 1. *Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [T. 1. Articles on semiotics and typology of culture]. Pp. 58–75. (In Russian).

11. Mann, YU. (1998) *Moskva v tvorcheskom soznanii Gogolya* [Moscow in Gogol's Creative Mind] *Moskva i «moskovskii» tekst russkoi kul'tury*. *Otv. red. G. S. Knabe* [Moscow and the "Moscow text" of Russian culture / Ed. by G. S. Knabe]. Moscow RGGU Publ. Pp. 63–81. (In Russian).

12. Mednis, N. E. (1999) *Venetsiya V russkoi literature* [Venice In Russian Literature] *Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta* [Novosibirsk University Press]. Novosibirsk. (In Russian).

13. *Moskva-Peterburg: Pro et contra* (2000) [Moscow – Petersburg: Pro et contra] Ed. K. G. Isupov. St. Petersburg: RKHGI Publ. Pp. 325–332. (In Russian).

14. Mikhail'skaya, A. K. (1996) *Osnovy ritoriki. Mysl' i slovo* [Fundamentals of rhetoric. Thought and word] *Uchebnoe posobie* [Study guide]. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russian).

15. *Moskva i moskovskii tekst v russkoi literature i fol'klоре* (2004) [Moscow and the Moscow text in Russian Literature and Folklore] *Materialy VIII Vinogradovskikh chtenii* [Materials of the VIII Vinogradov readings]. Moscow: MPGU Publ. (In Russian).

16. Nepomnyashchii, V. S. (2019) *Sobraniye trudov: v 5 t.* [Collection of works in 5 vol.]. Moscow: Izdatelskii tsentr MGIK. V. IV. (In Russian).

17. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* (1986) [New in foreign linguistics] *Vyp. 17. Teoriya rechevykh aktov. Sbornik. Per. s angl. / Sost. i vstup. st. I. M. Kobozevoi i V. Z. Dem'yankova. Obshch. red. B. YU. Gorodetskogo* [Issue 17. Theory of speech acts. Collection. Translated from English / Comp. and introductory articles by I. M. Kobozeva and V. Z. Demyankova. General ed. by B. Y. Gorodetsky]. Moscow Progress Publ. (In Russian).

18. Austin, J. (1986) *Slovo kak deistvie* [Word as action] *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 21. Teoriya rechevykh aktov* [New in foreign linguistics. Issue 21. Theory of speech acts]. Moscow, Progress. Pp. 22–129. (In Russian).

19. Pushkin, A. S. (1997) *Shtotvorennya*. St. Petersburg: Nauka Publ. (Lit. pamyatniki). (In Russian).

20. Skovorodnikov, A. P. (2014) *Ritoricheskii ideal, ili rechevoi (kommunikativnyi) ideal* [The rhetorical ideal, or the speech (communicative) ideal] *Ehffektivnoe rechevoe obshchenie (Bazovye kompetentsii)* [Effective speech communication (Basic competencies)]. Krasnoyarsk: SFU Publ. Pp. 557–558. (In Russian).

21. Strosan, P. F. (1986) *Namerenie i konventsia v rechevykh aktakh* [Intention and convention in speech acts] *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 17: Teoriya rechevykh aktov*. [New in foreign linguistics. Issue 17: Theory of speech acts]. Moscow: Progress Publ. Pp. 131–150. (In Russian).

22. Toporov, V. N. (2003) *Peterburgskii tekst russkoi literatury* [The Petersburg text of Russian literature]. St. Petersburg: Iskusstvo. (In Russian).

23. Urazaeva, K. (2019) *Illokutivnoe vozdeistvie govoryashchego na slushayushchego* [Illocutionary effect of the speaker on the listener] *II-oi Vsemirnyi Kongress "Vostok-Zapad: peresecheniya kul'tur* [2nd World Congress "East-West: Intersections of Cultures]. Kioto. Pp. 63–69. (In Russian).

24. Urazaeva, K. B. (2019) *Natsional'naya kontseptosfera i ritoricheskaya kommunikatsiya avtora – perevodchika – adresata* [National conceptual sphere and rhetorical communication of the author – translator – addressee] *Russkii yazyk i literatura v kontekste globalizatsii. VI mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya*. [Russian language and literature in the context of globalization. VI International Scientific and practical conference]. Moscow: MGU MAPRYAL. Pp. 516–522. (In Russian).

25. Urazaeva, K. B., Yerik, G. (2021) *"Pushkinskii tekst" i kazakhstanskaya pushkiniana: napravleniya, perevody, posvyashcheniya* ["Pushkin's Text" and Kazakhstan's Pushkiniana: directions, translations, dedications]. ART LOGOS. No. 2 (15). Pp. 19–33. (In Russian).

26. Urazaeva, K.B., Yerik, G. (2022) *Kul'turoorientirovannye strategii i autentichnost' khudozhestvennogo perevoda (na materiale perevoda S. Zhienbaeva proizvedeniya A. Pushkina «Skazka o zolotom petushkE») [Culture-oriented strategies and authenticity of literary translation (based on S. Zhienbaev's translation of A. Pushkin's "The Tale of the Golden Cockerel")]* *Vestnik ENU Seriya Filologiya [Bulletin ENU Philology Series]* №2 (139). Pp. 138–150. DOI 10.32523/2616-678X-2022-139-2-138-150 (In Russian).

27. Urazaeva, K. B., Yerik, G. (2022) *Kul'turoorientirovannye strategii Akhmeta Baitursynova – perevodchika skazok Aleksandra Pushkina [Culture-oriented strategies of Akhmet Baitursynov – translator of Alexander Pushkin's fairy tales]* *Vestnik KaZNU. Seriya Filologiya [Bulliten KazNU Philology Series]*. No. 2 (186). Pp. 245–258. (In Russian).

28. Байтұрсынов, А. (1989) Шығармалары: Өлеңдер, аудармалар, зерттеулер (Құраст. Шәріпов Ә., Дәуітов С.). Алматы: Жазушы Publ. (In Kazakh).

29. Isina, N. (2016) *Circle as a Reflection: "Almaty" Text as a Wayto Express Traditionalism (D. Nakipov's Novel "The Circle of Ash")*. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. V. 9. No. 5. Pp. 1166–1173.

30. Ian, K. Lilly (2002) *"Moscow and Petersburg. The city in Russian culture"*. Nottingham: Astra Press.

31. Urazaeva, K. B., Razumovskaya, V. A., Yerik, G. (2022) *Translating «The tale of the fisherman and the fish» into kazakh: Pushkin in other culture*. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. T. 15. No. 2. Pp. 187–203.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
70/30 %

дата получения: 02.10.2022 г.
дата принятия: 16.10.2022 г.
дата публикации: 30.12.2022 г.

date of receiving: 02 October 2022
date of acceptance: 16 October 2022
date of publication: 30 December 2022